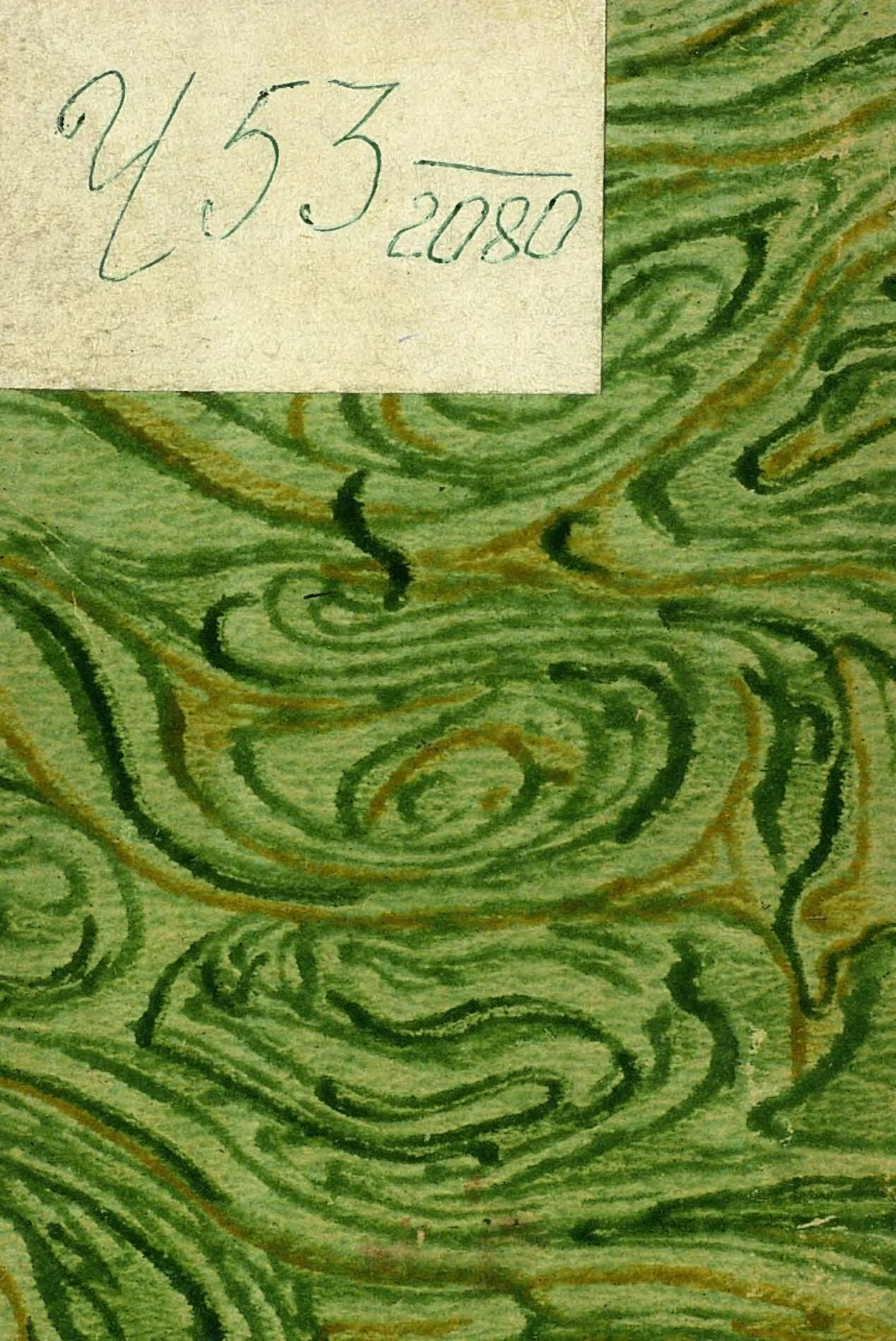
Ч.53
2080



С. ДИМАНШТЕЙН

1464

КТО ТАКИЕ МЕНЬШЕВИКИ

5307/23

ИЗД. АГИТПРОПА
ХАРЬК. ГУБ. КОМИТЕТА
К. П. (Б.) У.

1922

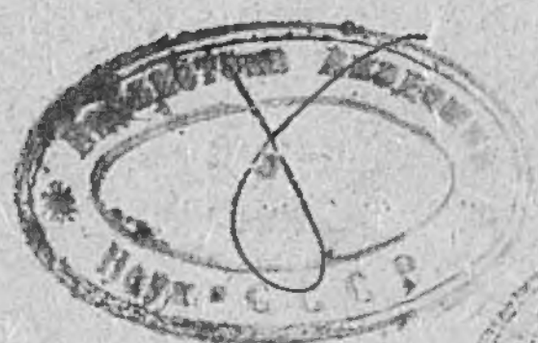
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

2

С. ДИМАНШТЕЙН.

КТО ТАКИЕ МЕНЬШЕВИКИ

(ДОКЛАД, ПРОЧИТАННЫЙ НА СОБРАНИИ ПРИКРЕПЛЕННЫХ И БЮРО ЯЧЕЕК—18 ОКТЯБРЯ 1922 Г.)



ИЗД. АГИТПРОПА
ХАРЬК. ГУБ. КОМИТЕТА
К. П. (Б.) У.

1922

Э-изд

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 25860 1972 г.

Товарищи,—я посвящу мой доклад вопросу о меньшевиках, об их прошлом, настоящем, об их лозунгах и деятельности.

Все наши разногласия с меньшевиками довольно стары, так же стары, как вся наша партия.

Уже начиная со II-го с'езда нашей партии (1903 г.), когда она только формировалась, намечалось, что в ней имеется два течения. Эти два течения работали в рамках одной и той же партии, как части ее. Но по существу это были зародыши тех самых двух течений, которые имеются сейчас в мировом рабочем движении: реформистской и революционной.

Меньшевики являлись в продолжении всей истории нашей партии определенными выразителями реформистских идей. Тов. Ленин назвал их неоднократно „агентами буржуазии в пролетарской среде"; они таковыми и были.

С самого начала формирования партии стал вопрос о том, каковой должна быть наша партия, как она должна вести свою работу, какие цели она себе ставит, какие элементы должны быть в самой партии. При разрешении этого вопроса мы сразу увидели, что меньшевики поставили вопрос в одной плоскости, а мы — большевики — в другой. В то время, как мы, большевики, стояли за то, что членом партии может быть только активный член партии, связанный с ней своей работой, исполняющий ее задания, меньшевики ставили вопрос так: членом партии является тот,

кто признает ее программу, кто разделяет ее точку зрения даже в том случае, если он не будет активным членом партии, не будет выполнять ее заданий, не будет состоять внутри нее. Они указывали тогда на то, что, например, многим профессорам по причинам внешним, как традиции легальности, неудобно будет состоять внутри партии. Они могли бы подчиняться решениям партии, разделяя ее точку зрения и программу, но не компрометируя себя присутствием в ней.

Я привел один из тех многих доводов, которые тогда были у меньшевиков; но эти доводы по существу характеризуют целиком и полностью, каков был их первый взгляд на партию. Они очень считались с мелко-буржуазными элементами, которые могли быть в рядах партии, с теми, которым неудобно было быть официальными членами партии. Но они не считались с тем обстоятельством, что партия выполняет революционные задания и должна опасаться засорения от всякого рода попутчиков, которые могут вредить ее работе.

С самых первых шагов было ясно, что меньшевики ведут тактику реформистскую, ориентируются на мелко-буржуазные элементы.

Второй вопрос, который стоял в 1903 году, это вопрос о тактике партии и характере ее работы, вопрос о том, какова должна быть организационная работа партии, демократической или централистской? Мы считали, что наша партия—партия боевая, революционная, работающая в подполье; такая партия, которая работает при очень стеснительных условиях, и поэтому не сумеет всегда демократически решать каждое предложение партийных референдумов, не сумеет иметь постоянные выборные комитеты, рабо-

тающие в тех местах, где они выбраны, и поэтому признавали, что поневоле приходится иметь дело с назначенными людьми, посланными ЦК партии, с товарищами, переезжающими из одной организации в другую. Мы ставили вопрос, что централизм в партии необходим, в то же время мы не отрицали демократизма, считали, что необходимы партийные с'езды и конференции. Наша партия не сектантская, а рабочая партия. А рабочая партия и характер рабочего движения при нелегальных условиях требуют соединения демократизма и строгого централизма. Меньшевики с самых первых шагов стали на точку зрения более широкого демократизма в партии, потому что они вообще имели тенденцию не рабочую, а демократическую, тенденцию интеллигентскую. Они демагогически пользовались этим, выставляя нас заговорщиками. Мартов, например, писал в «Гол. Соц. Дем.» о тактике большевиков, что Ленин мыслит себе революцию в таком виде: Надо будет поджидать одной осенней темной ночи и непременно с воскресенья на понедельник, когда полиция пьяна, отдать приказ о восстании, и революция готова. Нас, большевиков, выставляли авантюристическими заговорщиками!?

Мы, большевики, все же стояли на точке зрения централизма в партии, борясь со всякими вредными уклонами в ней. Это кое что из первых наших теоретических разногласий.

Теперь, когда их разбираешь, видишь, что они целиком и полностью отражали глубокую разницу во взглядах двух частей партии.

Эти теоретические наши разногласия стали отражаться в практике революции, в наших выступлениях 1905 года, когда революция сделалась фактом.

Когда волна российской революции поднялась очень высоко, пред нами стал вопрос, какова эта революция, каковы наши задачи в ней, в чем они состоят, как мы должны себя вести, какие цели мы себе должны ставить? Мы тут же существенно разошлись с меньшевиками в оценке революции. Это было в самый острый момент, когда вопрос стал уже не теоретически, а практически.

Каковы же были наши разногласия? Опять я бы сказал, на той же самой почве—реформизма и революционности. Мы смотрели на революцию 1905 года, как на революцию демократическую, ставящую себе цели осуществления широчайших демократических требований сейчас же. Мы выставляли наши лозунги неурезанными, в полном их об'еме, требуя осуществления так называемой программы-минимум нашей партии.

Меньшевики же смотрели на эту революцию, как на чисто буржуазную и более ограниченную, которая должна считаться, главным образом, с волей буржуазии. Здесь у нас появилось одно крупнейшее теоретическое разногласие, которое до сих пор нас разделяет с меньшевиками. В чем же было дело? В понимании движущих сил революции в России. У нас, большевиков, оценка была одна, меньшевистская оценка была другой. Мы утверждаем, что в России, в стране крестьянской, где главную массу производителей представляет собой крестьянство, где аграрной революции еще не было, помещики и капиталисты заинтересованы в том, чтобы удержать самодержавную власть; и это в значительной степени их об'единяет потому, что опасность революции для буржуазии очень грозна. Мы считали, что буржуазия, если она не сплошная реакционная сила, как дворянство, то

во всяком случае в значительной степени реакционная сила, что меньше всего надо расчитывать на нее. Мы говорили, что главным союзником русского пролетариата в революции будет крестьянство. Мы считали, что пролетариат должен руководить революцией,—крестьянской революцией,—и что ему вместе с крестьянством придется войти в столкновение с интересами буржуазии.

Меньшевики построили теоретически вопрос иначе; поэтому у них была совершенно другая тактика. Они, исходя из того, что революция у нас не демократическая, а буржуазная, считали, что сейчас буржуазия заинтересована в осуществлении необходимых ей свобод, в свержении самодержавия, что она должна пойти по пути западно-европейской буржуазии. Поэтому они выдвинули совершенно другой лозунг.

В то время, когда мы дали лозунг «развить революцию вширь и вглубь» — у них был лозунг „толкать буржуазию влево". Они всеми цитатами из Маркса старались нам доказать правильность своего пути; они не учли разницу положения между теми революциями, которые были в '48-м году в Западной Европе и российской революцией, которая была в 1905 году, в которой буржуазия приняла участие только под сильным давлением бунтовавших крестьян и рабочих. Их лозунг, повторяю, был: толкать буржуазию влево, стараться внести раскол между капиталистами и дворянством, привлекать буржуазию на сторону пролетариата и дать ей возможность фактически быть руководителем революции. К этому они стремились. Поэтому теоретически ставя себе задачей революцию буржуазную, они не могли практически пойти дальше требования ответственного министерства из к.-д. во время Гос. Думы

Мы, большевики, видели завершение революции 1905 года в Московском декабрьском восстании. Это был своего рода наш пробный камень. Мы знали, что революция решается не только одними забастовками, что революция должна решиться более реальным столкновением сил, с опорой власти—армией, что в баррикадных боях только и решается вопрос о власти, в ту или другую сторону. Без этого боя революция невозможна.

Во время декабрьского восстания мы потерпели поражение и тогда уже стало ясно, что провести просто и прямо наши лозунги невозможно.

Что мы видим после этого? Мы видим громадную разницу между нами и меньшевиками; Плеханов выдвинул лозунг: „не надо было браться за оружие". Мы же считали, что не всякое поражение есть поражение, что революция не есть какой-нибудь прямой этап от забастовки к восстанию. Если мы не добьемся, скажем, того, что нам нужно было в этот момент, из этого нельзя делать вывод, что революция вообще проиграна, это означает только, что революции придется делать известные зигзаги в своем развитии, что она дойдет до цели другими путями. Мы считали, что если рабочий класс потерпел сейчас поражение в открытом бою, то в своем поражении он узнал силу своего противника, узнал сущность буржуазии, которая раньше была революционна, сразу изменила и пошла на поклон самодержавию, отказываясь от всего, что раньше выставляла; узнал, каковы мелко-буржуазные партии, что собой представляют все эти союзы союзов интеллигенции.

Не забудьте,—ведь рабочий класс России невероятно был молод. Если рабочее движение России сравнить с рабочим движением Запада, то наш рабочий класс

слишком младенческого возраста и он все-таки сумел выставить совершенно правильно требования, как: демократическая республика, 8-мичасовой рабочий день, конфискация земли у помещиков и т. п. Проникновение в глубину рабочих масс этих лозунгов для нас имело большее значение, чем ряд мелких уступок со стороны самодержавия.

Если бы мы добились осуществления некоторых лозунгов, которые выставляли меньшевики—свободу союзов и собраний и т. п., которые вполне осуществимы в рамках самодержавия, буржуазия сумела бы мелкими уступочками развратить рабочий класс, забрать его под свое влияние и сделать то, что мы видим в Западной Европе, т. е. развить какой-нибудь пошленький социализм, христианский, желтый или полицейский, в роде того, как у нас было—Зубатовщина. Для нас было более важным удержать принципиальные революционные позиции, не добиваясь одних мелких уступок, которые не дали бы нам гарантии, что в следующий под'ем революции, в котором мы не сомневались, мы доб'емся всего того, что нам нужно было.

Была разница в оценке 1905 года между нами и меньшевиками. Мы считали поражение революции, как временное поражение; но зато мы считали, что завоевали влияние на рабочие массы. Меньшевики же считали, что наша тактика 1905 года сплошная ошибка, что нужно перейти к другим методам работы. Меньшевики перешли на позиции ликвидаторства, т. е. отказа от существования нелегальной партии.

Товарищи, которые помнят работу того времени, хорошо знают, что это был период самой постыдной измены почти всей нашей интеллигенции, когда в партии с 1908 года днем с огнем нельзя было отыскать интеллигента, все отошли от нелегальной работы;

а из меньшевиков, даже те, которые считали себя членами партии, не соглашались пойти в нелегальный кружок, выставляя теоретическое обоснование своей измены. Они говорили, что партия дряблая, старая, что она умерла во-время и нечего гальванизировать труп. Меньшевик Потресов и все более выдержанные и последовательные меньшевики того времени писали открыто, что партия фактически уже умерла и что необходимо, чтобы труп партии не мешал легально работать.

Они говорили, что надо приспособиться исключительно к легальным возможностям и работать там, где правительство разрешает: в проф. союзах, поскольку будет разрешено, в кооперации и вести главным образом культурно-просветительную работу, читать лекции и доклады, хотя бы и под контролем околоточного надзирателя, и такими мелкими шагами культуртрегерства быть может когда-нибудь и удастся добиться крупных завоеваний. Должен сказать, что даже среди меньшевиков нашлись тогда такие, которые не выдержали такого подлого отношения к партии. Плеханов писал: „Эти ликвидаторы считают, что если кто убивает старуху-мать, то он не является убийцей, он рассчитал, что как бы партия ни была слаба, тот, кто ее убьет, все же будет убийцей". Так писал Плеханов до того, как он сам изменил.

Мы, большевики, клеймили их позором за их ликвидаторскую работу и говорили, что верно, нельзя игнорировать легальные возможности, что мы не отказываемся от того, чтобы всеми ими пользоваться, но во что бы то ни стало надо центр тяжести перенести на нелегальную работу, надо поддерживать организацию, надо вести подпольные кружки, пропаганду, организовывать стачки, нелегально руководить

рабочим движением, а не только легально, потому что на открытой арене мы слишком ограничены в возможностях, что когда мы прочтем одну только лекцию в подпольной обстановке, это будет в тысячу раз более полезно, чем много легальных лекций в каком-нибудь доме графини Паниной, где надо скрывать свободную мысль в то время, как нам надо поддерживать революционный дух. И вот мы, считая, что надо всегда использовывать всякие легальные возможности, центр внимания переносим на подпольную работу, необходимую для поддержки революционного духа партии, который мы имели раньше, необходимую для того, чтобы в пролетариате не умерли революционные идеи, которые были нами заложены, чтобы наши лозунги жили в массах, чтобы мы продолжали нашу работу, не урезывая ее, не считаясь с трудностями, которые ставила реакция, преодолевая настроение, которое в связи с реакцией создается.

Мы видим, что тактика большевиков в самое темное время реакции, во время 1908, 1910 и 1911 года, когда нам нельзя было показаться, когда реакция после 1905 и 1906 годов была всесильна, когда все живое подавлялось, когда большая часть членов нашей партии была по тюрьмам, каторгам и ссылкам, за границей, в эмиграции, когда разгром был колоссальный, оправдала себя. Тот факт, что мы удержались на наших революционных позициях, не сдавая их ни теоретически, ни практически, быстро обнаружился, и мы видели, что когда начался под'ем рабочего движения приблизительно с 1912 года, с истории Ленских расстрелов, когда рабочие массы стали подыматься, они оказались с нами.

В эпоху 1912 и 1911 года, в то время, как выходили меньшевитские газеты „Луч", „Рабочая газета"

и др. того же периода, на стороне меньшевиков была ничтожная кучка рабочих, главным же образом, интеллигентские элементы, работники кооперации и проф. союзов. В низших же ячейках, на фабриках и заводах, везде и повсюду были большевики, сторонники „Правды"; распределение меньшевистских газет среди рабочих было ничтожно. Газеты тогда существовали на сборы от рабочих на фабриках и заводах и судить о влиянии тех или иных газет можно было по этим сборам. Было констатировано, что на „Правду" количество рабочих ячеек, принимавших участие в сборах, было всегда почти в 3—4 раза больше того, что было у меньшевистской газеты „Луч". Из этого можно было заключить, что рабочие массы льнули к большевикам. Как только они очнулись от периода реакции, они стали переходить к нам, стали терять свое значение. Сами меньшевики расписались в преданности рабочему классу, стали ликвидировать свое былое ликвидаторство, стали забывать о периоде, в который они нагло изменили, но они скоро увидели, что рабочий класс не забыл того, что было.

Теперь я хочу перейти к следующему этапу, более резкому и характерному, который имеется в истории нашей партии. Это эпоха империалистической войны. Без сомнения, империалистическая война была пробным камнем для всего II Интернационала и всего социалистического движения последнего века. Встряска, которую получила Европа в связи с империалистической войной, выявила состояние всех частей общества и общее состояние рабочего класса до самых его низов во всех его особенностях и обнаружила все те различные влияния, которые были в рабочем классе со стороны разных партий и направлений.

В начале империалистической войны очень мало у кого оказалось выдержки: была измена почти поголовная. Все опасения большевиков, которые еще раньше до войны на интернационалистичных с'ездах и в нашей литературе были высказаны, когда мы указывали на все опасности, заключающиеся в реформистском влиянии на рабочий класс интернациональных меньшевиков, немецких и французских и всего того реформизма оппортунистов, приспособляющихся к сегодняшнему моменту, не развивающих широких планов революционной работы, удовлетворяющихся мелкими крохами ежедневных побед—оправдались. Этот дух реформизма, дух, который господствовал во II-м Интернационале, который был господствующим во многих его партиях, показал себя довольно открыто в тот момент, когда наступил кризис.

Хорошо известно, что приблизительно за неделю до войны были довольно грандиозные манифестации против войны: как в Германии, так и во Франции были выпущены самые резкие воззвания против войны. Не удалось созвать Интернационал в Вене. Была известная Брюссельская конференция, где были представители всех в будущем восточных стран, где каждый уверял в своем интернационализме. Подготовки к протесту против войны были; в социалистических газетах писали резко.

Когда буржуазия решилась на войну, перед пролетариатом стал ребром вопрос, что нельзя отделываться только одними воззваниями и демонстрациями, а надо думать о конкретных действиях, которые, естественно, вызовут самые резкие репрессии со стороны буржуазии. Надо было поставить вопрос о том, чтобы провести в жизнь резолюции, принятые на Базельском конгрессе, об об'явлении своего рода

гражданской войны буржуазии в случае об'явления империалистической войны. Но партии II интернационала, проникнутые реформизмом, не выдержали, и мы были свидетелями поголовной измены этих партий.

Что мы же видели в то время здесь в России?

Россия по своему положению была лучшей ареной для социалистических партий, в борьбе с войной, чем какие-либо другие страны. У нас были большие возможности оказаться партией более целомудренной, более интернационалистической, потому что наша буржуазия, наше самодержавие не сумело развратить рабочий класс идеями патриотизма, как это было в других странах. Французское, напр., правительство превосходно умело привить своему пролетариату, патриотические глубокие чувства. Во Франции великих людей, даже социалистов, называют обычно великими патриотами; патриот еще со времен великой французской революции считается одним из почетных званий даже для социалистов.

В других странах мы видели такое же положение. В Германии, как убеждали рабочих немецкие с.-д., превосходно организован рабочий класс, сильна социал-демократическая партия, рабочие добились во многих отношениях успехов, добились хорошего рабочего законодательства и т. п. У английских рабочих легко было вызвать патриотизм заявлением, что в случае победы Германии гибнет вся промышленность Англии, работающая для вывоза. Идеологической подкладкой патриотизма явилась та же легенда, что Англия самая демократическая страна в мире и самая свободная, служившая примером для всего цивилизованного мира и т. п. буржуазные сказки, которые еще верят многие. У европейских рабочих

было что терять, было за что цепляться. Мы видим, что там патриотизм мог легко свить себе гнездо.

У нас в России таких возможностей было меньше. Самодержавие своей политикой вселило в сознание рабочего, что это не его правительство, что ему не за что воевать, что рабочему классу в России нечего терять и ничего не грозит рабочему классу в случае даже появления иноземного ига т. к. оно не будет хуже самодержавия.

При таких даже условиях все-таки меньшевики изменили и стали оборонцами. Меньшевики, живущие в России, которые здесь работали, пошли на соглашательство: первое время пытались вести вместе с нами работу, но надолго не выдержали общего натиска буржуазии, натиска, который в то время был довольно силен, и пошли с правительством, стали организовывать военнопромышленные комитеты, стали входить в них вместе с буржуазией. Мы выдвигали лозунги: „поражение царской России есть меньшее зло", и „необходимо превращение империалистической войны в гражданскую". Они изменили в момент самый острый в истории русской революции и истории нашей партии, в момент войны. И так оказалось, что мы, большевики, единственные почти в мире сумели остаться на революционной интернационалистической позиции, сумели не поддаваться общему течению и пойти против него, удержать то знамя Интернационала, которое осталось в наших руках до последнего времени.

Следующий этап в истории наших расхождений с меньшевиками, это февральская революция. Она выявила старое разногласие с меньшевиками и их старые грехи, которые определили их тактику и поведение. Февральская революция фактически совершп-

лась благодаря тому, что старый режим сильно разложился и об'ективные условия для свержения самодержавия были подготовлены войной и общим недовольством. Февральская революция была произведена небольшими усилиями, потому что старый строй совершенно подгнил, у него не было возможности держаться дальше. И вот тут возник вопрос, как надо смотреть на февральскую революцию. Как сейчас вообще смотреть нам на революцию, которая происходит в обстановке разложенного капиталистического строя? И тут мы видим, что меньшевики остаются верными своей теории о том, что революция буржуазная, они остаются верными своей мелкобуржуазной психологии и сущности, они не связаны с рабочим классом, а с идеями мелкой буржуазии, будучи агентами буржуазии в рабочем классе. Они стали в России исполнять роль своих собратьев других стран, многие из которых в Германии и Франции стали сейчас на службу у буржуазии. И мы видим, что меньшевики становятся целиком и полностью на сторону буржуазии, утверждая, что нам необходимо буржуазное правительство, не считая возможным говорить о власти трудящихся, о власти Советов, не допуская этой мысли - целиком и полностью держась своих старых позиций со времени первой революции.

Мы считали, что последняя революция совершается в абсолютно исключительной обстановке, в то время, когда II Интернационал на своих с'ездах признал, что почва для социалистической революции вообще в Европе уже подготовлена. Если это было указано даже II-м Интернационалом в своей Базельской резолюции, признававшей, что в случае появления империалистической войны, эту войну надо превратить в гражданскую, об'явить войну войне, раз это

уже стало лозунгом II Интернационала, который далеко не был большевистским, который в своем большинстве был соглашательским и все-таки тогда сознавал теоретически, что почва для социалистической революции созрела, что сейчас вопрос в том, чтобы преодолеть механические силы буржуазии и капитала, которые сопротивляются, держа в руках насильно власть, то для нас ясно, что мы вступили в эпоху социальной революции. Если мы, как марксисты, изучая экономические соотношения сил в этих странах, признаем, что вполне настало время, когда рабочий класс может захватить власть и взяться за руководство производством, — значит надо бороться за эту власть, которую мы называем диктатурой пролетариата. Время для этого уже настало. Вопрос только в том, чтобы суметь взяться за это революционным путем, найти подходящий момент, воспользоваться слабостью буржуазии и обстановкой, чтобы этого добиться. Т. Ленин указывал еще за границей, в начале войны в своей брошюре, вошедшей в сборник „Против течения," на такой пример: „когда два разбойника между собой дерутся, задача честного человека постараться воспользоваться тем, чтобы избавиться и от одного и от другого". Приблизительно так и нас: в то время, когда капиталисты разных стран между собой дерутся и не могут поделить мир, надо пролетариату—третьему честному человеку—воспользоваться, чтобы избавиться от французского, немецкого и др. капиталистов и взять власть в свои руки.

Это был общий лозунг, выставляемый нами в связи с войной. Отсюда неизбежность гражданской войны, и мы должны пойти по пути отстранения капиталистов от власти во всех странах. Без захвата

власти пролетариатом, как вполне законному, в экономическом и политическом смысле, пути. Мы имеем для этого все законные права.

Меньшевики у нас целиком и полностью поддерживали правительство, которое вначале февральской революции ставило себе империалистические цели, ставило вопрос о полном соглашении с Антантой в смысле ведения дальнейшей войны, требуя Дарданеллы для России. Меньшевики являлись вдохновителями новой власти, т. к. Временное Правительство поддерживалось теми же меньшевиками, которые тогда фактически были хозяевами положения, имея вместе с эс-эрами большинство в советах, меньшевики поддерживали эту власть именно потому, что они теоретически стояли за буржуазную революцию. Больше того, они боялись настоящей пролетарской революции и взятия власти в руки. Они готовы были кого угодно держать у власти, только бы самим не брать ее, т. к. это убило бы их мелко-буржуазную теорию. Вначале меньшевики пытались в этой революционной обстановке оставаться формально нейтральными, быть посторонними зрителями борьбы между буржуазией и пролетариатом. Это было бы возможно в более мирное время, например при самодержавии, быть может, когда была давящая сила: но когда буржуазия выступает без всякого прикрытия властью и классовые интересы выступают в оголенной форме, тогда нельзя оставаться, как меньшевики хотели, между буржуазией и пролетариатом, а надо было одно из двух -быть с теми или с другими. Революция не допускает половинчатости. И мы видим, как они будучи представителями мелкой буржуазии, пошли по тому пути, который предписывала история — они пошли по пути буржуазии.

Первая попытка борьбы пролетариата за власть была сделана в июньские дни 1917 года в Петрограде, когда мы были спровоцированы правительством Керенского. После того, как правительству удалось победить революционное выступление пролетариата, мы видели, какие лозунги выставили меньшевики. Такой выдающийся меньшевик, который считался наиболее честным, как Церетелли, высказывался за разоружение рабочих, разоружение революционных полков в Петрограде. Он поставил совершенно открыто и ясно этот вопрос. Больше того, он поставил вопрос о допущении смертной казни для пролетариата. Фактически на деле меньшевики стали исполнять роль буржуазии, заниматься разоружением рабочих, помогая буржуазии, они стали уже не на словах, а на деле, ее агентами.

Вначале февральской революции нас большевиков еще плохо понимали в России, и наш лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, осуществления диктатуры пролетариата, не был сразу принят.

Когда т. Ленин выступил в Петербурге на партийном собрании и в первый раз ознакомил с тезисами, выработанными им еще за-границей, о тактике гражданской войны, многие даже из большевиков испугались, т. к. вопрос о захвате пролетариатом власти, фабрик и заводов, стоял до сих пор только теоретически и поэтому, когда вопрос был поставлен практически, многие стали недоумевать, ибо никто из рабочих членов партии не мыслил, что мы так скоро возьмем власть, что кому-то из них придется стать министром и т. п. Мы говорили о захвате власти, но реально никто не представлял себе, что это так близко и возможно. В рабочем классе было ещ

мало сравнительно подготовленных. Мешала еще нам невероятная травля, которую вела буржуазия против нас. Буржуазия говорила, что мы немецкие агенты и шпионы, что мы подкуплены. В то время эта легенда была сильно распространена и отталкивала значительную часть рабочих от нас.

Мы очень медленно стали завоевывать Советы, где преобладали меньшевики и эсеры. Но как раз наше поражение в июльские дни, после которого меньшевики и эсеры показали свое истинное лицо, когда они стали разоружать революционные полки, которые делали февральскую революцию, и стали сажать наших товарищей по тюрьмам, закрывать наши газеты, громить наши организации, тогда на классовой практике рабочие стали убеждаться, что меньшевики партия мелко-буржуазная и только. После этого, рабочие хлынули в нашу партию и она стала крепнуть не по дням, а по часам. Эти классовые опыты показали больше всякой агитации, что мы собой представляем и что представляют из себя меньшевики и с.-р. Когда в короткое время корниловского восстания, фактически организованного Керенским, мы большевики представляли собой огромнейшую силу, только нашей помощью и усилиями можно было отразить тогда наступление контр-революционной организации, стремившейся поставить к власти генералов, тогда стало ясно, что массы становятся активными и влиятельными и идут за нами.

Мне вспоминается маленький эпизод. Мне пришлось иметь беседу с Церетели после корниловских дней. Он говорил: я вижу, что большевики власть возьмут, мне ясно стало это, но я вижу, что больше семи недель они у власти не удержатся. Почему он взял семь, не знаю. Я помню, что Плеханов сказал

нам срок в шесть месяцев. Ясно стало для меньшевиков тогда, что октябрьская революция неминуема. Русская буржуазия была тогда слишком слаба, мелкая буржуазия в лице крестьянства была не организована, буржуазия тем более не могла за собой вести массы. Понятно, что вести за собой массы могла только организация пролетариата.

Теперь мы переходим к периоду октябрьской революции, когда будет более наглядной дальнейшая эволюция меньшевиков. Тут опять встают наши старые разногласия с меньшевиками. Какова была наша теория? Мы говорили о том, что фактически мелкая буржуазия не способна ни на какие самостоятельные выступления. Мелкая буржуазия по своему характеру принуждена итти за более сильным классом, или за крупной буржуазией, или за пролетариатом. Такова была наша теория, и мы были уверены в том, что всякие правительственные коалиции меньшевиков и эсеров с кадетами, которые фактически являлись представителями буржуазии, представляют собой ни то, ни се, и в революционный период они не смогут удержаться. К нашему счастью, наша буржуазия была достаточно ослаблена самодержавием, которое не дало ей возможности развиться в сильный класс, она всегда была на поводу у самодержавия.

Наша буржуазия не была буржуазией типа немецкой или французской, а была как политическая партия, как класс довольно слабой, неорганизованной, недостаточно влиятельной ни в рабочей среде, ни даже в мелкобуржуазной. Наша буржуазия тогда стоять у власти не была в состоянии. Тогда вопрос стоял так: либо буржуазия, либо пролетариат. Мы ставили вопрос, что пролетариат вполне в состоянии вести за собой массы в России, где массы состоят

из крестьянства, а интересы его не противоречат интересам пролетариата, что пролетариат может дать больше крестьянству, чем дает ему буржуазия крупная; что крестьянство в главной его массе середняков, которое по своему классовому состоянию и сословным потребностям подходит ближе к пролетариату, чем к крупной буржуазии. Это была наша формула революции. Мы были уверены, что нам удастся быть авангардом революции, вести за собой большие массы населения, установить диктатуру пролетариата.

Меньшевики, будучи верны себе, как представители и идеологи мелкой буржуазии, во всех отношениях должны были сразу стать на точку зрения той части мелкой буржуазии, которая хочет вести за собой массу, но только не может; а раз хочет, она должна мочь чем-нибудь попытаться это сделать.

Меньшевики в этом отношении выступили резко против нас вместе с эсерами, стали организовывать разные комитеты спасения родины и революции, стали повсюду вводить саботаж против нас, организовали саботажные комитеты интеллигенции, дезорганизовали аппарат власти, не давали возможности нам управлять. Во многих местах во главе саботажа стали не только эсеры, но и меньшевики. Их лозунг—учредительное собрание, который был когда-то общим у нас и у них, передача власти учредительному собранию, в их понимании и представлении означали проявление точки зрения демократизма, т. е. они держались того мнения, что вопрос должен решаться не с точки зрения классовых интересов, а так называемых общенародных интересов, выразителя которых они видят в лице учредительного собрания. Лозунг учредительное собрание оказался не жизнен-

ным. не выдержавшим критики революции, потому что дело не в демократизме, не в абстрактных принципах, не в учредит. собрании, а в конкретных делах, конкретных потребностях масс. а те потребности, которые были у масс, мы вполне тогда могли удовлетворить.

Какими были первые лозунги октябрьской революции, вы знаете: это объявление прекращения войны. Массам необходим был мир во что бы то ни стало, война была очень непопулярна. не вытекала из интересов народа. Этим актом мы привлекли к революции крестьянские массы, которые помогли нам и которые вместе с нами делали эту Октябрьскую Революцию в лице своих солдатских комитетов, которые были во всех совстах, и которые фактически стали переходить к нам, образовав там большинство на нашей стороне.

Второй вопрос, который очень интересовал крестьянство, это вопрос о земле. который мелкая буржуазия по своему положению никак не могла разрешить, потому что она была на поводу у крупной буржуазии. Вы знаете. что даже несчастные эсеры, которые тогда получали огромные количества голосов при всяких выборах (получили чуть ли не 600 тысяч голосов на выборах в Москве), которые были бесконечно модной партией, которые считали себя невероятно сильными, не могли разрешить аграрный вопрос. Они не могли разрешить аграрный вопрос и мы, большевики, в первый же день овладения нашего правительства во время II Съезда советов издали декрет о земле, который разрешил земельный вопрос. Мы перестали уже говорить крестьянам: «Ждите учредительного собрания для разрешения вопроса», научно-теоретически, а ставили вопрос, что земля должна

быть сразу взята, помещиков гнать в шею, что надо разрешить практически вопрос на местах. Такой тактикой мы сразу отвоевали крестьянство, которым без конца козыряли против нас эсеры и чем нас без конца пугали в свое время меньшевики.

После Октябрьской революции меньшевики оказались не в состоянии вести внутреннюю кампанию против нас в местах, где имеется организованный рабочий класс, как в Москве, Петрограде и других центрах России, ибо никто их не слушал. И они поняли, что им остается быть последовательными в своей тактике, начать открытую борьбу с нами. Меньшевики переходят уже открыто и явно на сторону контр-революции. Мы встречаем их во всем периоде гражданской войны в рядах белых.

Первая серьезная контр-революционная попытка, которая грозила нам большими опасностями, было восстание чехословацкого корпуса. Оно было организовано при помощи агентов Антанты, в особенности Франции. Ибо было каждому, что это интервенционистская армия, которая даже была вооружена открыто Антантой. Ничего общего с Россией и ее делами у чехословаков не было, тем паче с русской демократией.

Меньшевики теряя свой девичий стыд, отбрасывая в сторону все свои фразы о демократии, без всяких обиняков приложили свою трусливую лапанскую руку, к этому восстанию. Не долго думая, они вошли даже в органы власти отившейся под крылышками Чехословаков. Я имею в виду так называемый „Комитет учредительного собрания", позорная деятельность которого была так ярко разоблачена на процессе С.-Рев., тогдашний меньшевик Майский стал министром труда этого С.-Роменшевитского правительства—предтечи Колчака.

Логика революции и контрреволюции заставила меньшевиков еще ярче обнаружить, во что превращается революционный элемент, когда становился контр-революционным: он становится палачем рабочего класса и выполняет свою профессию довольно тонко, даже с пафосом, вспоминая при этом разные имена святых, создавая теорию уничтожения рабочих во имя высшего блага демократии.

Я хочу, товарищи, коснуться здесь одной грязной страницы из истории белого меньшевизма, как он себя проявил в Казани во время царствования белых. Размеры белого террора превзошли всякие границы. На кого только падало малейшее подозрение в большевизме, тот растреливался безпощадно. Меньшевики принимали деятельное участие в этой гнусности, учреждая особую шпиковскую комиссию для выслеживания большевиков на предмет выдачи белым на растерзание.

Всякие такие подлости меньшевики оправдали той самой пресловутой теорией, на которой я подробно остановился вначале моего доклада. Все сводится к тому, что революция должна вести к утверждению власти буржуазии, а большевики насилуют бедную революцию в пользу пролетариата: за это их следует расстреливать в угоду господ капиталистов, а самим заключить тесный союз с палачами рабочих; ибо по меньшевистской грамоте буржуазии предрешено иметь свой пир, куда и они собирались в гости. Права на участие в этом будущем пиру русской буржуазии меньшевики решили добиться ценою крови, понятно не только своей, но и рабочих. При наступлении красных на Казань, их газета „Рабочее дело" (надо было ее назвать „Враги рабочих") сообщила: „комитет в полном составе, а также и некоторые партийные товарищи в тот же день вечером организовали

отряд, который уже исполнил одно поручение власти. Все члены Губкома, все силы его, физические и духовные, отдаются в распоряжение Комитета членов учредительного собрания для использования против врагов страны, врагов рабочего класса."

Видно, старались уж меньшевики для своих господ, не жалея не только живота своего, но и чести, а „неблагодарные" рабочие никак не ценили их и довольно открыто бунтовали, пытаясь поднять восстание в городе, за что они жестоко поплатились. Между тем, как меньшевики пели гимн палачам рабочих, сообщив в своей газете: „Рабочие, соединившись с позабывшими свой долг солдатами соседнего полка, образовали скопище дезертиров, поднявших знамя бунта. Они пытались захватить оружие, но власть имела достаточные силы, чтобы уничтожить предателей их и уничтожила их. Вечный позор и проклятие вносящим раздор в пролетарскую семью." Но всему видно, до чего распоясались меньшевики; неизвестно кому больше удивляться, их ли бесстыдству или жонглированию фразами.

В Самаре дело обошлось проще. При песнопении меньшевиков, когда они кричали Осанну своему грядущему принципалу, по восставшим рабочим Иванценского завода был открыт ружейный и пулеметный огонь, косивший рабочих налево и направо: из шести тысяч человек тысяча была уничтожена. Как видите, товарищи, „рабочий рай" при власти Комитета Учредительного собрания был довольно кровавый. Так меньшевики собственными руками подготовили почву для диктатуры Колчака, при которой и им не очень то сладко жилось. И целуя ударяющий их кнут, умудрились они устами П. Маслова воспевать гимн Колчаку.

Я хочу еще, товарищи, остановиться на более знакомых вам украинских меньшевиках: они при Деникине мало чем отличались от своих собратьев царства Колчака, разве только тем, что им жилось вольготнее, при совершенно легальных условиях, не брезгали иногда получить мелкую подачку в виде правительственных ссуд на нужды профсоюзов этих дорогих генеральскому сердцу Деникина рабочих. Как видно, они еще тогда не были настоящими сторонниками „независимости" профсоюзов от правительства. Это только при рабочей власти они нас сейчас готовы распинать за связь профсоюзов с государством,—при белой генеральской власти, когда их пускали в передни белых министров, они первым долгом хлопотали о „презренном металле" для своих „независимых" организаций как профессиональных, так и кооперативных. Иногда они пользовались случаем выхлопотать себе отсрочку от мобилизации, как граждане, необходимые деникинскому отечеству в тылу. И Деникин, товарищи, не ошибся в своих симпатиях к меньшевикам: они оказались взаимны. При их помощи был пущен в ход Киевский арсенал, на котором изготовлялись военное снаряжение, которое необходимо было для уничтожения нашей Красной армии, которая находилась в 20—30 верстах от Киева. Сколько пролетарских жертв мы понесли от такого содействия меньшевиков белым предоставляю Вам судить.

Украинские меньшевики не ограничились в своей помощи белым одной нашей территорией, они распространили свою измену пролетариату—в интернациональном масштабе, они старались использовать весь свой вес и влияние, которые у них были невелики среди заграничных товарищей, которые еще, к сожа-

лению, не успели раскусить их как следует и принимали социализм меньшевиков за чистую монету. Киевские меньшевики обратились к рабочим западной Европы с заявлением полным лжи и клеветы на советскую власть, выставляя нас какими-то чудовищами преступлений, наводняющими ужас по всей стране, от которых все рабочие отвернулись и ищут спасения у меньшевиков, а последние от имени рабочего класса обращаются к интернациональной поддержке мирового пролетариата.

По существу, товарищи, это был просто призыв к интервенции иностранных хищников в советскую Россию, это воззвание было на-руку мировым хищникам, которые тогда разверзли свою пасть и готовились нас поглотить. Речи меньшевиков служили тем смазочным маслом, которое должно было облегчить эту операцию. Надо отметить, что меньшевистская руководящая группа того времени состояла из довольно солидных представителей, как Кучин-Ординский, Романов, Чижевский, Сумский и многих других видных работников.

Не читает ли, товарищи, вспоминать и о наших харьковских меньшевиках, которые всегда стараются выставлять себя особой породой левых меньшевиков, со своим левым журналом „Мысль", и давайте оценим по достоинству их левизну, по их же словам. Когда над Харьковом взвился новый флаг победы белой армии, „Мысль" стала мыслить не очень уж легко. Мы там читали: „Советская власть поставила социалистические задачи, и тем не менее в данной исторической обстановке она стала реакционной силой. То, что пришло ей на смену, конечно, преследует антисоциалистические цели, но при условиях переживаемого момента, оно может сыграть революционную

роль.“ Как же меньшевикам не радоваться и не поддерживать Деникинскую власть, когда этот белый генерал призван историей играть революционную роль (несчастная меньшевистская революция, какая она поганая!)

После этого вполне понятен тот гимн, который был пропет „Мыслью“ смене власти в Харькове. Она писала следующее: „Для всех было ясно, что Харьков падет. Но никто из нас не ожидал таких настроений, которые об'единяли в первые дни самые разнородные элементы. Создалась какая-то видимость чуть ли не национального праздника. Словно заживо погребенные внезапно вышли из могил и приветствовали восход солнца“.

Вот вам, товарищи, настоящая физиология харьковского меньшевика того времени во всей ее подлости, которая расширяется в сияющую рожу при восходе солнца Деникина, обагренного кровью тысяч жизней лучших сынов рабочего класса России.

Ликуй, меньшевик, на своем национальном празднике, любой буржуй преподнесет тебе бокал шампанского в черепе рабочего с примесью пролетарской крови, а ты, меньшевик, веселись — это твоя национальная революция, твой национальный праздник.

Меньшевики других центров Украины не уступали своей братии из центра, иногда даже превосходя их в своей контр-революционной откровенности. В этом отношении отличался Одесский орган меньшевиков „Южный Рабочий“, который занимался постоянно злостной травлей Советской России всякими гнусностями и мерзостями, не уступая своим коллегам из махровой желтой прессы из кадетского лагеря. Такой же была Киевская „Искра“.

Стоит еще остановиться на наших «меньшевиках соседнего Крыма, они тоже достаточно „примечательны". В своей газете „Прибой" они выразили большое неудовольствие тактикой II Интернационала (почти как мы, но с другой стороны), что последний не поддерживает решительно иностранную интервенцию в Советскую Россию, об'ясняя эту „слабость" II Интернационала его слабой осведомленностью о наших российских делах. Деятельностью своей прессы они надеялись дополнить этот пробел и добиться желанной интервенции капиталистических армий в пределы России с благословения II Интернационала. До сих пор еще не забыт тот знаменитый договор крымских меньшевиков с бывшим тогда белым генералом Слащевым, который фактически спас Деникинскую армию, которая доживала свои последние дни в Новороссийске и дал возможность эвакуироваться в Крым—был создан тот знаменитый Врангелевский фронт, который нам так дорого обошелся сам по себе и который так ловко был использован белополяками против нас. Это нам стоило много человеческих жизней и пришлось даже территориально поплатиться.

В Крыму готовилось восстание к третьей годовщине февральской революции. В знаете, товарищи, что этот день был избран коммунистами, как подходящий для привлечения беспартийных рабочих и как способ использовать легальную возможность, когда и меньшевики празднуют, так что имеется возможность легко вызвать массы на улицу, а затем уже перейти к боевым действиям.

Об этом узнал генерал Слащев, арестовал пару меньшевиков, как способ воздействия на их партию. В обмен за их освобождение он потребовал от дере-

татки меньшевиков, которая явилась хлопотать за арестованных, письменную гарантию, что до 1-го марта будет совершенно спокойно и в день трехлетия февральской революции не будет никаких выступлений. Меньшевики на это пошли, дали свою подписку, восстание было сорвано на радость Врангелю, что войска стали скоро высаживаться в Севастополе. Не забудется этот удар, нанесенный меньшевиками Советской России. Другие, более честные из меньшевиков, не выдержали этой гадости, ушли из своей партии и некоторые из них, вам известные по своей работе, сейчас в нашей организации.

Обычно меньшевики в своих выступлениях против нас мечут гром и молнию по поводу нашего красного террора, они склоняют и спрягают Ч. К. во всех падежах и наклонениях, для того только, чтобы хоть чем-нибудь произвести впечатление на своих слушателей легальных или нелегальных. В социалистической литературе всей Европы меньшевики, пользуясь гостеприимством, стараются затушевать все происходящее в России, в смысле проведения в жизнь социалистического законодательства, только тем, что они на все лады кричат о нашем терроре.

Очень кстати будет, товарищи, в таких случаях немного напомнить меньшевикам о тех порядках, которые завелись в единственном углу меньшевистского рая, где они господствовали безраздельно—в Грузии. Сам ренегат Каутский ездил в эту святую землю на поклонение меньшевистскому богу. И вот приходится говорить о меньшевитском терроре в этой благословенной Грузии да еще о каком—самом подлом изменническом; фактов у нас для этого сколько угодно, признанных даже и самим грузинским правительством.

В 1918 г. подвергался обстрелу большевистский

митинг, было много убитых и раненых. По этому поводу поднялся шум в прессе, и даже через „Правду" это стало известно и заграницей. Скандал порядочный в меньшевистском раю! И Мартов при всей ловкости своего пера ничем иным не мог отделаться, как тем, что этот расстрел был просто „полицейским эксцессом". Скажите, товарищи, недурный эксцесс. Если мы расстреливаем бело-осера или белогвардейца за организацию восстания—то это террор, о чем надо кричать на всех перекрестках; а когда меньшевики расстреливают целый митинг—то это так себе. „меньшевистский эксцесс"!

Были массовые случаи, когда большевики спасались бегством от деникинской контр-разведки на территорию Грузии, надеясь найти там убежище; иногда это удавалось; но когда дружба между Деникиным и грузинскими меньшевиками показалась им выгодной, они выдавали наших товарищей деникинской контр-разведке на фактический расстрел. Покажем, например, хотя-бы случай с 20-ю ответственными советскими работниками, перешедшими границу в конце 1918 г. около Казбека и отправленными полковником Церетели в море, на деникинскую территорию, где они были немедленно расстреляны. После освобождения Грузии от меньшевистского ига, Чхеидзе и Рамишвилли ездили в Польшу с целью агитации за войну с Советской Россией; это совсем к лицу меньшевистской дипломатии, которая распинается, что она против интервенции иностранных армий в советскую Россию.

Уделим немного внимания нашим доморощенным меньшевикам украинско-националистического типа, не имеющим никакого станового хребта, никакой выдержки, ни теоретического ни политического, они не

в состоянии ни на какую измену, ибо никакой веры ни во что не имели, ничего общего с марксизмом не имеющие, именующие себя меньшевиками лишь потому, что буржуазии необходима такая разновидность в борьбе с большевиками, импонирующими своим названием. Характерно еще то, что в то время как наши меньшевики подвизаются в городах среди служащих, а иногда среди рабочих, украинские меньшевики имели все свое стремление на село, в крестьянские массы, которые им куда ближе по своей психологии (в особенности кулацкая часть).

Основатель партии У. К. П. Ткаченко, будучи министром внутренних дел, в кабинете Голубовича, проводил политику массовых расправ с рабочими и крестьянами. Расстрелы коммунистов практиковались в широком размере. Вообще за последние месяцы своего существования Центральная Рада наделала слишком много гнусностей, о которых так много рассказывают и по сей день. Не менее блестящи подвиги лидера У. К. П. (ныне успокоившегося на советской должности) Ю. Мазуренко, знаменитый своим Сквирским вооруженным восстанием против советской власти. Он быстро оказался другом и приятелем более знаменитого его соратника, начавшего тоже с меньшевизма— Петлюры. Ни для кого не секрет, что почти вся партия У. К. П. причастна к довольно распространенному злу на Украине—к бандитизму.

До сих пор Венская группа Винниченко (который сейчас перебрался в Прагу ближе к денежному ящику чешского правительства) ведет самую бешеную травлю против советской власти и коммунистической партии, в особенности Украины. Все это происходит под флагом У. К. П., хотя на деле они тесно соприкасаются в своей контр-революционной работе с ук-

раинскими эсерами группы Грушевского, которые иногда бывают более порядочными, чем их меньшевистская братия. Я бы посоветовал товарищам познакомиться с брошюрами Попова и Вардина о меньшевиках, фактическими материалами, которыми я пользовался для доклада.

Теперь разберемся в их последних теоретических выступлениях против нас, и увидим насколько они несостоятельны. С самого начала октябрьской революции главным аргументом у меньшевиков против нас было то, что Россия страна крестьянская и тут нет места диктатуре пролетариата. Большинство населения имеет все права на соблюдение своих интересов и не даст рабочему меньшинству быть над собою хозяевами. Меньшевики, как то взяли себе задачу защищать интересы крестьян (должно быть благодаря коалиции с с-рами получили на то от последних разрешение) от злых большевиков. Все свои обвинения против нас они обосновывали довольно вульгарным марксизмом, под что не трудно подогнать все, что угодно от кадета Струве до еврейского «сиониста-коммуниста».

Наступил новый этап в тактике большевиков, начавшийся отказом от продразверстки и переходом к продналогу и завершающийся целой новой системой Нэпа, основой которой является: побольше внимания к крестьянину и его мелкой собственности, чтоб этим путем упрочить союз города и деревни, рабочего с крестьянином. Второй год практики этой системы показывает, что на этом пути мы делаем большие успехи; это видно на таких крупных кампаниях, как сбор продналога, как проведение сборов новобранцев, которые прошли блестяще. Материальное положение рабочих тоже улучшается.

Наши лавры не дают покоя меньшевикам, и они переменили фронт своих нападков против нас совершенно в противоположную сторону. Если раньше они нас обвиняли, что мы грабим крестьянство и обижаем его, сейчас меньшевики нас выставляют настоящими представителями крестьян, жертвующими интересам и рабочего класса в интересах крестьян. Если вы, товарищи, спросите меня, когда же они врали—прежде или теперь то я вам отвечу, что одинаково врали и раньше и теперь, одинаково сознательно, только по разным нотам. Мы соблюдали интересы революции, в которой, до сих пор, при существовании капиталистического окружения одинаково заинтересованы и большинство крестьянства и рабочий класс.

Нельзя пройти мимо хвастовства меньшевиков, когда говорят о Нэпе, будто это было отступление большевиков на заранее приготовленные им позиции меньшевиками. Кто не знаком хорошо со всеми „мудрыми" предложениями меньшевиков во время „военного коммунизма", с их рецептами, тот на самом деле может им поверить на слово, но дело обстоит далеко не так.

Во время продразверстки меньшевики предлагали оставить хлебную монополию в руках государства, считая это неизбежным, но только с небольшой поправкой, что за весь хлеб, который мы будем получать от крестьян, мы должны им платить наличными деньгами, значит они были против свободной торговли хлебом, но, будучи хитры, как змеи и мудры, как пескари, придумали выход самый неважный, говорящий очень много об их государственных способностях (или вернее неспособностях). Меньшевики забыли маленькое дело, что для того, чтобы платить

наличными, надо их иметь; если бы перевести весь хлеб на наши денэнаки, нам пришлось бы увеличить нашу денежную эмиссию раз в 15. Не надо быть большим финансистом, чтобы догадаться, что от такого увеличения выпуска денэнаков, эти знаки перестали бы быть денэнаками, а просто цветными бумажками. Но видно, что государственным меньшевикам этого не постичь, а быть может это своего рода одна из форм саботажа, практикуемых спецами крупной марки.

Интересно еще знать, какая разница в Нэпе при нашей системе и тем, что предлагали меньшевики. Они просто считали, что нам следует об'явить себя банкротом и возвратить все фабрики, заводы и промышленные предприятия старым хозяевам без всяких оговорок. Понятно, что этим был бы положен конец и советской власти. Мы на это не пошли, никакой общей денационализации мы не об'явили, допуская ее только в мелкой промышленности, не играющей никакой решающей роли в хозяйстве государства. Целиком оставлена в руках пролетариата вся крупная промышленность, база государственного хозяйства и все связанное с этим, как жел. дороги и т. п. Как видите, товарищи, система Нэпа совершенно не то, что хотели нам подсунуть меньшевики, и им хвастать нечем— не они нас учили уму-разуму.

Хотя Нэп не вполне в меньшевистском духе, но все таки это стихия, в которой поднялась буржуазная муть, и в этом мутном омуте меньшевики стараются поймать свою политическую рыбку. В этом отношении я вам приведу один пример из прошлогодней перебранки между кадетствующим меньшевиком Ст. Ивановичем и Мартовым.

Раскаявшийся в своем бывшем социализме, Иванович бросил упрек прямо в лицо меньшевикам, что они в сущности почти что большевики, ибо они все говорят о политических свободах для социалистов, для трудящихся и совершенно игнорируют всех остальных граждан, т.-е. всю несчастную буржуазию, которая так дорога сердцу Ивановича. Мартов не выдержал такого ужасного упрека по адресу меньшевиков и стал себя бить кулаком в грудь от возмущения, что на них возводят напраслину. Ему буржуазия не менее дорога, чем Ивановичу—он может доказать это целой серией фактов, как например протест меньшевиков против об'явления кадетов вне закона в 1917 г., протест против закрытия буржуазной прессы, и даже не преминули меньшевики выразить свое чувство горести и протеста по случаю расстрела великих князей в 1919 г. Не делает ли это все им честь. Они уже утверждают, что советская власть есть только переходная ступень к настоящей демократии, т. е. к власти буржуазии. Но если Иванович смущается меньшевистской фразеологией о свободах для социалистов; где о буржуазии ничего не упоминается, то только по своей наивности; он не понимает, что меньшевикам важно только пробить брешь в слабом месте большевистской крепости, что возможно только на почве преследования социалистов.

Товарищи, я подчеркиваю это место, что меньшевики стараются только пробить брешь в нашей большевистской твердыне, чтоб вслед за этим открыть полный ход буржуазии, которая последует за ними. Это своеобразный троянский конь, который таит в себе взрыв изнутри.

Тут, когда Мартов хоть немного поднял занавес над меньшевистской мутью, и стала ясна их двойная

бухгалтерия. В России они распинаются перед рабочими о том, что они пекутся о рабочих, о социалистах, и только, а заграницей перед глазами всей буржуазной русской эмиграции, они стараются доказать, что они плоть от ее плоти и кость от ее кости. Надо им отдать справедливость за последнее признание—на сей раз они искренни, что обычно с ними редко бывает.

Меньшевики недурно пользуются своей двойной бухгалтерией; они здесь в России всегда выставляют лозунги, которые с виду кажутся только чуть чуть правее большевистских; а когда раскусить, поймешь что в них кроется таран для пробития бреши. Возьмем, например, вопрос о социальном страховании. Меньшевики, в общем и целом, принимают наш закон о соцстрахе; но у них есть своя маленькая поправочка—«Кассы должны быть самостоятельны, самоуправляющимися учреждениями, независимо от государства». Самое интересное в этом положении это то, что они как-то обменялись с нами ролями, но их роль сейчас разоблачает всю измену, которая кроется в их тактике.

При самодержавии, когда стали создаваться страховые кассы, мы, большевики, выставили лозунг: независимость касс от правительства и от капиталистов. Меньшевики довольствовались хоть убогими страховыми законами, не будучи способными на резкую борьбу. При Керенском, когда министерство труда было в руках меньшевиков (Скобелев) они создали страховые законы, где зависимость от капиталистов была самая прямая. Теперь при диктатуре пролетариата, когда власть в наших руках, меньшевики выставляют наш старый лозунг, который был своевременен при власти капиталистов. Меньшевики превосходно понимают разницу в обстоятельствах, но им нужно, как вы

сами понимаете, товарищи, не защита интересов пролетариата, а подрыв советской власти. Это возможно только, если им удастся вбить клин между рабочими и властью. Добиться этого они смогут только, когда им удастся обособить рабочих от советской власти, чтобы в нужный момент противопоставить их друг другу, а от таких случаев они могли бы извлечь известный политический капиталец. Этими же самыми мотивами об'ясняется и позиция меньшевиков в вопросе о профессиональных союзах, где они выдвигают принцип независимости, т. е. профсоюзы должны стать независимы от пролетарского государства для того, чтобы их вскоре сделать зависимыми от грядущего буржуазного государства.

Мне хочется немного остановиться на вопросе о Красной Армии. Меньшевики знают, что подойти к рабочему и уговорить его, что Красная Армия не нужна, или что нужно из нее дизертировать, было бы напрасной тратой слов, а иногда можно за это и поплатиться довольно серьезно. Для разложения Красной Армии меньшевики начинают популяризировать требования шестимесячного срока службы, смягчения дисциплины, введения принципа милиции и т. п. И это как раз в то время, когда реакция кругом во всей Европе крепнет изо дня в день, когда Пуанкаре свирепствует и встречает поддержку во всей правой части английской буржуазии, когда в Италии фашистское движение крепнет изо дня в день, когда Америка усиливает свое вооружение до гигантских размеров. В это время требовать от Советской России — технически бесконечно отсталой ослабления Красной Армии это вполне равносильно измене.

Выезжают меньшевики на безработице и стараются всеми силами проникнуть в среду безработных, агити-

руя там за меньшевитские комитеты безработных. Мне кажется, что в этой среде они найдут для себя более подходящий недорольный элемент. На практике мы видим, что это им не удается. Рабочий знает, что в безработице менее всего виновата Советская власть. Навязанная нам гражданская война добавила так много к разрушениям империалистической войны, что нужно много лет мирной работы, чтобы выкарабкаться из этой разрухи, а тут голод последнего года еще больнее ударил нас своим бичем и задержал начавшееся возрождение промышленности.

Несмотря на все трудности пролетарского государства, меньшевики хорошо знают, что даже последний декрет о соцстрах, изданный при Нэпе в части помощи безработным превосходит все существующие законы рабочего законодательства капиталистических стран. У нас на соцстрах в общем требуется от учреждений и предприятий от 12 до 25% общей суммы заработной платы за счет предпринимателей. Количество безработных, сравнительно с другими странами не очень велико. Кроме того, мы сейчас переживаем время реорганизации промышленности и с каждым днем можно видет улучшения.

Меньшевики претендуют на то, что они должны быть легальной партией, ибо они пользуются только легальными методами борьбы с нами, не стоят за насильственное свержение Советской власти, а только критикуют ее. Я уже в докладе сказал на тактику меньшевиков „пробить брешь“ но надо остановиться более подробно на этой энергии. Пред мною довольно много разных воззваний и обращений Украинских меньшевиков, мы в них читаем: „большевики предатели, изменники, враги рабочего класса“ и тому под. перлы.

Каждым словом стараются они вонзать нож в спину советской власти и коммунистической партии; и после этого сказать елейно: „мы не за восстание"— это, видно, только для того, чтобы иметь больше доверия среди рабочих, которые гнали бы их в шею; если бы начали с ними толковать о разных восстаниях. Но сказать по совести, трудно понять, почему не восставать против врагов рабочего класса, против изменников и предателей. Кажется, сам „господь бог" велел это сделать. Фразы меньшевиков об отрицании восстания надо понять так, что они считают это нецелесообразным сейчас, ибо они слишком ничтожны, они только готовятся пока к более благоприятному моменту. Мартов раз выразился так, что право на восстание имеется за каждым классом, тем паче за пролетариатом, это означает, что пока ведется подготовительная кампания к восстанию посредством растаптывания советской власти. Если видишь, что разбойник точет для тебя нож, хотя очень тупой, то следует лишить его ножа и довольно целесообразно будет запрятать и его куда нибудь в изолированное место, пока он не потеряет свою привычку.

Меньшевики стараются использовать всякие легальные возможности, чтобы вредить нам и поэтому они часто скрывают свою физиономию, избегая всякой подозрительности. Под каким соусом он не выступит он все равно вреден—его следует разоблачить в широких беспартийных массах, „за ушко да на солнышко", чтобы на нем видны были еще не исчезнувшие следы лобзания Деникина, Юденича и иже с ними. Вполне кстати будет напомнить им последний эсеровский процесс, где меньшевики взяли под свою защиту убийц вождей рабочего класса, они вели яростную кампанию против процесса с-ров, солида-

ризируясь на деле со шпионскими агентами французской и чехо-словацкой контр-разведки, ведущих гнусную кампанию против Советской России. Знаете, товарищи, народную пословицу: „скажи мне, кто твои товарищи, и я скажу тебе, кто ты таков" — она вполне подходит к меньшевикам.

На меньшевиках очень хорошо иллюстрировать, как не приложимы пути реформизма. Кто начинает катиться по этому пути, должен волей неволей дойти до ее последней ступени, ибо время революционное, не позволяющее вилять во все стороны и держаться на весу между пролетариатом и буржуазией,—приходится спускаться или в один или в другой лагерь.

Всем памятно, как меньшевики, выставляя себя интернационалистами, метали гром и молнию во II Интернационал. Надо же было им быть еще левее кого нибудь, и им было довольно выгодно строить себе мишень из II Интернационала. Для более революционных рабочих он был слишком скомпрометирован во время войны. Поведение убийц рабочих, вроде Носке и компании, не придавали особенного ореола II Интернационалу.

Больше того, при помощи русских меньшевиков был организован Венский Интернационал, так называемый двух с половинный, где господствовали меньшевики, левые эс-эры и всякие половинчатые элементы запада, как Лонге, Фр. Адлер, Ледебур, Диглан, Криспин и др. Свою программу они выработали после революции в Германии и Австрии; в ней они громогласно признали, что и они уверили в начинающуюся социалистическую революцию в Европе и что они держат курс на советские республики. Они даже пытались сговориться с Коминтерном (независимцы). Они тогда не могли принять все 21 заповедь Комин

герна, но делали вид, что в общем очень мало отличаются от коммунистов, что им только не по духу гегемония Москвы.

Меньшевизм в мировом масштабе еще очень силен. Западная буржуазия держит пролетариат цепко в своих руках посредством продажных вожаков, стоящих во главе профессиональных организации и их желтого Амстердамского интернационального об'единения. Не лучше обстоит дело с политическими партиями пролетариата, которым удалось при помощи уступок буржуазии удержать рабочий класс после войны от открытых революционных выступлений по всей Европе. Эти партии стали открыто враждебны коммунистам и социалистической революции, принимая сами участие в подавлении рабочих выступлений, как в Германии, или поддерживая шаги своего правительства, направленные против выступающих рабочих, как это имеет место во Франции и других странах.

Задача 2½ Интернационала быть в середине между борющимся пролетариатом на стороне Коминтерна и II Интернационалом, заключала в себе громадное количество мелко буржуазных элементов и рабочих, отравленных буржуазным ядом еще со времен войны, идущих слепо целиком на поводу у капиталистов.

Усиливающаяся мировая реакция оказала свое действие на рабочий класс. Капитал стал наступать совершенно нагло, отнимая назад все те уступки, которые были сделаны рабочему классу непосредственно после войны, когда капитал трепетал перед призраком русской революции: ему всюду чудился большевик и он был готов на максимальные уступки, лишь бы сохранить самое главное—власть капитала. Вам, товарищи, хорошо известно, как капитал за

последние годы приручил рабочих красивыми фразами и немногими крохами со своего жирного стола, а теперь стал действовать плеткой, совершенно бесцеремонно, отклоняя —как во Франции,— законодательным путем 8-ми часовой рабочий день, уменьшая безбожно заработную плату, несмотря на растущую дороговизну и падение курса бумажных денег.

Рабочий класс встрепенулся от своей послевоенной спячки, грянула целая вереница экономических битв между трудом и капиталом, принявших колоссальные размеры в виде всеобщих стачек основных отраслей промышленности целой страны, как каменноугольная, железнодорожная и т. п.

Идея единого рабочего фронта стали появляться стихийно, то тут, то там, в особенности, в Германии, где рабочий класс отличается своей организованностью, где буржуазия не в состоянии править без поддержки вождей рабочего класса. Стоит только рабочим единодушно захотеть поставить на своем и устроить рабочее правительство, они при своей организованности в состоянии это сделать.

Это стремление к единству было использовано нашими противниками против нас, коммунистов; они говорили, что будто это мы внесли раскол в рабочий класс и являемся виновниками его слабости. Нельзя отрицать успешности таких выпадов против нас, слово „единство“ довольно магически действует на рабочего, недостаточно разбирающегося в запутанных вопросах политики. Коминтерн это обстоятельство учел во время, и со всей силою выбросил лозунг единого рабочего фронта. Вам, товарищи, памятна Берлинская конференция всех трех Интернационалов, где уже почти сговорились на созыве всемирного рабочего конгресса для организации обороны рабочего класса

против наступающего капитала; но лидеры II Интернационала — Вандервельде, Шейдеман и др. и на сей раз изменили, не успев еще стряхнуть пыль Берлинской конференции со своих ног, понимая сколь опасно для соглашателей такая открытая кампания совместно с коммунистами.

Я вам, все это, товарищи, привел для того, чтобы показать, как меньшевики из 2½ Интернационала постарались ловить рыбу в этой мутной водице II Интернационала: под шумок единого фронта они воспользовались случаем, чтоб отделаться от своего невыгодного положения быть между пролетариатом и буржуазией, делающего их совершенно бессильными, и решили пойти на единство вправо — на поклон к убийцам Розы Люксембург и Карла Либкнехта, против которых они все время метали громы и молнии. Они решили расстаться со своей приклеенной ½ и стать просто членами II Интернационала, куда их уже давно тянуло, но они не имели подходящего предлога для совершения этой сделки. Похороны 2½ Интернационала были далеко не торжественными, не видно было, вероятно, и печальных лиц, ибо покойник был мало заслуженным, родившийся с недугом, мало талантлив и притом сам стремился скорее в загробную жизнь, чтобы попасть в рай II Интернационала, где он найдет себе то, к чему он все время стремился: дурманить мысль рабочего класса.

Итак, наши меньшевики, выдававшие себя за сторонников социальной революции, только с немного иной тактикой, чем наша, большевистская, выступали в России, как сторонники советов, куда они идут «для работы» (фактически для саботажа), начинали свою карьеру в объятиях палачей рабочего класса, в рядах II Интернационала. Интересно отметить, что

наши русские меньшевики в своих анемичных нелегальных воззваниях не поторопились поделиться благой вестью, что меньшевики приняты, как верные сыны, во II Интернационал, со своими сочувствующими в России, ибо они понимали, какое это убийственное впечатление произвело бы у нас, в России, оценившей по достоинству II Интернационал уже в течение 6—8 лет (с начала войны).

Зато в заграничной прессе Мартов не постеснялся собственнолично выступить защитником идей об'единения этих двух желтых Интернационалов, когда некоторые честные демократы из немецких независимых, вроде Ледебура и других, подняли свой голос против вхождения во II Интернационал, рассматривая это, как открытую измену всем заветам рабочего класса. Мартов на старости лет вооружился своей „марксистской" диалектикой и стал доказывать необходимость об'единения, отметая свое циммервальдистское прошлое, идя к буржуазии с молитвенно сложенными руками, моля прощение за грехи прошлого, когда у меньшевиков была попытка изображать из себя интернационалистов, делающих революцию на коленях.

Как видите, товарищи, совершилось то, что должно было случиться с нашими меньшевиками. Революция не позволяет с собою долго шутить: надо решительно стать на сторону одной из борющихся сил—или с пролетариатом или против пролетариата, — и меньшевики пошли в Интернационал бельгийского королевского министра Вандервельда, защищающего убийц вождей русского пролетариата. Наша обязанность растолковать все это рабочим, открыть им глаза на все проделки меньшевиков, но особенно подчеркнуть факт их вступления во II Интернационал, о чем они

старательно молчат в России и разглагольствуют заграницей, стремясь заслужить внимания нашей белогвардейской эмиграции. Общее положение меньшевиков теперь вполне выяснилось. Надо, чтобы это стало ясно и тем немногим, которые еще колеблятся, веря на слово меньшевикам, что они за революцию.

Так катились, катились наши меньшевики, все ниже и ниже, все ближе и ближе к капиталу и докатились до полного падения, когда они попали в любезные объятья всех кровопийц рабочего класса. Несомненно дни влияния меньшевиков на русский рабочий класс сочтены. Вы превосходно понимаете, товарищи, что с новым лозунгом Мартова „назад к капиталу" нельзя подойти прямо к русскому рабочему, он только годится для экспорта заграницей. Никто у нас не посочувствует меньшевикам в их слезах за политическое бесправие наших нэпманов. Не спас меньшевиков Кронштадт, не спасет их и Нэп.

Мы присутствуем сейчас при разложении меньшевистской партии, которое.

Мы можем перечислить целый ряд имен из видных меньшевиков, покинувших свою партию, как Хинчук, Трояновский, Горев, Суханов, Скобелев (быв. депутат), Яхонтов, Чиркин, Кубиков, Гвоздев, Майский, Феликс Кон, Фрумкина, Рафес, Струмилин и многие другие.

Еще неизвестно, чем кончится для партии меньшевиков ее новый поворот вправо на целых 180 градусов, полагаю, что опять полетят осколки партии, которым окажется не подороге прямо в храм капитала.

Мы, товарищи, можем только сказать одно: меньшевики идут назад к капиталу, мы идем вперед к коммунизму.

Рабочему классу по пути только с нами.

1-я Государственная Типография

№ 6097. Тир. 2000.

50